

Валерий ГУРИНОВИЧ,
Леонид ПЕРЛОВ

...И сейчас после всего, что произошло с семьей Федоренко после смерти Василия, после суда, горьких — на нерве, на надрыве — писем, после долгих и сумбурных заседаний в брянском производственном объединении «Электрон», объяснительных записок и разговоров в различных областных и московских кабинетах, люди, причастные к этой трагической истории, вспоминают о ней с болью и недоумением. Но если одни ищут корни этой боли и этого недоумения в себе, спрашивая: как же так случилось? — то другие ссылаются на причины объективные, на обстоятельство, от них не зависящие, как бы давая понять: печально, мол, прискорбно, но так уж вышло.

То, что произошло в коллективе объединения, — выпивка на новогоднем «Огоньке» в общежитии, увольнение за появление на рабочем месте в нетрезвом виде слесаря-сборщика Василия Федоренко, лишение его уже выделенной квартиры — было бы достаточно обыденно в нашей, далеко еще не идеальной реальности, если бы не одно «но». Точнее — два «но»...

Объединение «Электрон» — учебно-производственное предприятие Всесоюзского общества слепых. Более половины работающих на нем — инвалиды по зрению I, II и III группы. Василий Федоренко, комсомолец, слесарь-сборщик радиоэлектронной аппаратуры, был тотально слепым. Проще говоря — от рождения ничего не видел.

На рассвете 9 марта он повесился в общежитии. Не оставив ни письма, ни даже коротенькой записки...

Драматизм ситуации обостряет память: люди, с которыми встречаемся, говорим, вспоминают детали событий. Правда, в преломлении собственного понимания, житейского и нравственного опыта.

Общежитие старое, двухэтажное, коридорная система. Комнаты достаточно просторные. Тут и холостяки, и семейные. Но мужья — в комнатах с товарищами, жены — с подругами. В 16-й жил Василий Федоренко, в 10-й — Федоренко Наташа, его жена.

К «Огоньку» готовились загодя, репе-

тировали выступления, шили обновы. Да и объединение подготовило ребятам подарки: только-только комиссия приняла новый дом на улице Ленина в квартале от «Электрона». Все семьи из общежития переселялись туда: список на получение квартир уже был утвержден. Не обошли и Наташу с Василием.

Выписка из протокола № 29 совместного заседания администрации, профкома, представителей трудового коллектива, партийной, комсомольской организаций брянского Г.П. «Электрон» ВОС:

«...Выделить Федоренко В. М. однокомнатную квартиру № 90 в 130-квартирном доме на состав семьи 2 человека».

Вот он, первый неприметный штрих, легкая шероховатость. Дело в том, что в списках очередников значилась Наталья Федоренко, а не Василий. Но, подумав, — мелочь, какая разница, не в бумаге дело. Муж и жена, им жить вместе. Оказалось, увы, не вместе. И дело — в бумажке.

Но тогда, в тот вечер, об этом не думалось — Новый год, праздник, впереди — новоселье. Разве кто предполагал крутой поворот, за которым — тяжба с предприятием, укоры начальства, похороны.

Не беремся обобщать, делать какие-то выводы из слов, оброненных в разговоре с нами старшим помощником прокурора Советского района Н. Н. Суминой: «...Годами не было в суде дел, связанных с увольнением из УПП ВОС. Но вот построили дом, стали квартиры распределять, и — один иск, второй, третий... На «Электрон» жилищная комиссия заседает, у нас — судебное заседание...»

За что же уволили Василия Федоренко?

Из служебной записки генеральному директору ПО «Электрон» Климову В. Е.: «Довожу до вашего сведения, что слесарь-сборщик Федоренко В. появился на рабочем месте в нетрезвом состоянии и был отстранен от работы. Начальник цеха В. Марченков».

Из объяснительной записки В. Федоренко: «...в 6.30 утра, идя на работу, выпил бутылку пива».

Это было утро после того самого «Огонька», на котором, как нам объясняют, пол-общежития выпивало, и Федоренко тоже.

— Он уже два часа отработал, все было нормально: операция тонкая, никому не справиться. А Василий без брака детали сдавал.

Звеньевая Галина Никитична Абрамова работает в сборочном почти 30

лет. Федоренко при ней начинал, учеником. Вспоминая, она волнуется, говорит торопливо, сбиваясь:

— Вася хороший был, уважительный. И пьяным я его на работе не видела. А тут вдруг узнаю — мастер его в медпункт повел, в трубку дуть. Что там трубка показала, разное говорят. А уволили, нас не спросив.

Из протокола совместного заседания администрации и профкома ПО «Электрон»:

I. Дать согласие администрации на увольнение Федоренко В. по ст. 33 п. 7 КЗоТ РСФСР (за появление на работе в нетрезвом состоянии).

II. Отменить ранее принятое решение администрации и профкома в части выделения однокомнатной квартиры № 90 бывшему работнику предприятия Федоренко В.»

Двадцать семь декабрьских дней разделяют два решения: выделить Федоренко квартиру и уволить Федоренко.

Выходит, всего за 27 дней так изменился молодой рабочий. Из добросовестного труженика и уважаемого человека стал злостным нарушителем трудовой дисциплины.

Мы побывали в заводском медпункте, видели аккуратно разливанную ученическую тетрадь: «Проба Рапопорта з/пункта ПО «Электрон» 1987—1988 гг.». В ней всего четыре записи. Три — в декабре. Записи однозначны, будто под копирку — «реакция положительная». Двое из троих долги были — получать новые квартиры...

Выпил — не выпил, дрался — не дрался. Честно скажем, неловко чувствовал себя, пытаясь распутать все эти узелки, зная, что Василию уже ничем не поможешь; спрашивали товарищей по цеху, по комсомолу: как же случилось, что, споткнувшись на житейской колдобине, не ощутив поддержки, дружеского плеча, о котором столь красиво и многократно привыкли говорить, 25-летний парень решил на крайность.

Сейчас и в профкоме, и в дирекции, и в комитете комсомола говорят, почему, дескать, он к нам не обратился? Попросил — мы бы пошли навстречу.

Попросил бы... Видно, не каждому легко это дается. Василий считал (и об этом говорили многие), что просьбы унижают человека, что слепой — не убогий, если душа зрячая. Он любил музыку, книги, с удовольствием возился у плиты, готовя к приходу Наташи что-нибудь «вкусенькое». Выпил? Было. Но не будем ханжами, до всеобщей трезвости, ох, как далеко.

Он не пошел к начальству, не поступался в дверь профкома, комитета ком-

сомола. Он верил: разберутся. Конечно, накажут. Но не думал, что так. Что лишат квартиры, которую они с Наташей столько ждали.

Люба Зубкова, Оля Тихоненко, Люда Спинская — всего семеро членов бригады, в которой работал Василий, узнав об увольнении и о том, что квартиру отобрали, обратились к председателю профсоюзного комитета Коваленко, к генеральному директору Климову. Анатолий Петрович, сославшись на решение профкома, обсуждать ситуацию отказался. Виктор Егорович Климов был еще более краток и категоричен: «Я вас не вызывал».

В марте, после похорон Василия, Наташа с матерью приехали в Москву. «За справедливостью» — так сказала Тамара Кирилловна. В редакции «Смены» они пришли вдвоем, рассказывая о случившемся, плакали, и Наташа все время повторяла: «Мы никому не нужны...»

Какими словами можно было убедить молодую женщину в обратном? Ведь она по-прежнему жила в общежитии; из начальства к ней так никто и не подошел со словами простого человеческого сочувствия.

...Суд отказал Василию Федоренко в иске о восстановлении на работе, и буква закона в данном случае не была нарушена. Но понимали в суде, что через месяц-другой Василия снова примут на «Электрон» — единственное предприятие ВОС в Брянске. Так оно и вышло. И в объединении люди «с понятием», знали: что бы ни решил суд, работать Василию все равно в сборочном, куда ему деться... Да, увольняя, были уверены, что возьмут обратно, наказывая, заведомо прощали. Но отчего же именно так наказывали, именно так «прощали»?

В феврале, когда состоялся суд, квартиры уже были распределены, новоселы расставляли мебель — поезд ушел. И частное определение в адрес объединения о неправомерности, незаконности лишения семьи Федоренко квартиры («...сам Федоренко В. М. очередником не являлся. Более того, квартира предоставлялась в связи с высланием всех проживающих из общежития, суд приходит к выводу, что совместное постановление администрации и профкома от 29.12.87 г. в этой части необосновано и вынесено в нарушение жилищных прав семьи Федоренко») было уже эхом вдогонку.

Скажем прямо: некрасиво поступило руководство на «Электроне», не по совести, да и, как выяснилось, не по закону. Можно ли было что-либо исправить? Не только можно, но и нужно. Ведь суд обязал «...принять меры для

решения вопроса о предоставлении соответствующего жилья семье Федоренко В. М. О принятых мерах сообщить в Советский райнарсуд в течение месяца со дня получения копии настоящего частного определения».

Не приняли, не сообщили. Будто и не видели, не читали этого определения.

Боль, обиду свою привезли Наташа и Тамара Кирилловна в Москву, не найдя в Брянске сочувствия, соучастия. В ВЦСПС им подтвердили: квартиры они лишены незаконно. «Смена» направила письмо в адрес Брянского городского комитета комсомола с просьбой разобраться, помочь члену ВЛКСМ Натасе Федоренко. Было это в начале апреля. Ответа журнал так и не получил. Лишь в июне, когда мы были в Брянске, инструктор орготдела Павел Зайцев вручил нам 27 строчек машинописного текста, где перечислялись уже известные факты, но не было ни слова сказано об участии горкома комсомола в судьбе Федоренко.

Два комсомольца. Два члена городской организации. Одного уже нет в живых. Другая не знает, куда обратиться со своей маетой, горем, с кем посоветоваться, кому просто по-житейски излить душу. Товарищам по комсомолу?

Спрашиваем Зайцева:

— А ты с Наташей встречался?

Павел мнется, перекладывает на столе бумаги.

— Да не вышло как-то... И потом к чему, ведь помочь уже не можем, квартир свободных нет...

— А просто поговорить?

— ...

Зайцев в горьком недавно. Возможно, он еще не освоил тонкостей аппаратной работы, что называется, не владеет обстановкой, не умеет «подготовить бумагу». Да бог с ней, с бумагой! Показалось, не умеет самого важного — сопереживать. А как без этого комсомольскому работнику?

Ну, предположим, неопытен Зайцев. Не по душевной черствости не встречался с Наташей — текучка заела. Но эта история прошла и мимо секретарей горкома, которым в опыте не откажешь. Если бы задела сердце чужая беда, уверены, и Павел бы поступил иначе, и ответ в «Смену» не пылился бы в горкомовских кабинетах полтора месяца.

«Электрон» — предприятие заметное не только в области. И в производственной системе ВОС — одно из лучших: не обделено премиями, знаменами.

— В первую послевоенную осень сарай был. Крутили веревки, вручную делали гвозди... И все — слепые. Голодно, трудно, а люди держались друг друга, одной семьей жили, — с трудом дается Виктору Егоровичу Климову внешнее спокойствие. — Я в 1949-м пришел сюда. Стали потихоньку обустриваться, жить-то надо. На Брянщине земля выжжена, разорена, людям всякая малость нужна. Мы щетки, подушки выпускали — так они тогда нарасхват шли, как нынче финские сапоги. В 1962-м скооперировались с радиопромышленностью. Собственно, тогда и родился «Электрон»...

Уникальные трансформаторы для станков в нашей стране выпускает только «Электрон». Почти весь станочный парк отечественной промышленности «завязан» на брянском предприятии.

От веревки, гвоздя — к сложным современным приборам, от копеечного дохода — к миллионной прибыли. Это рынок производственный. А рванулись ли души друг к другу, стали ли люди добрее, заботливее?

Мы сами из того, послевоенного времени. Помним хлеб по карточкам, километровые очереди за керосином, комнаты в бараках. Но люди не могли пройти мимо инвалидов, мимо горя, страдания. Делились последним. Еще рядом была война, общая всенародная боль. Кровоточили раны, надрывно вскрики-

вала гармошка, слезы и смех круто перемешались в той жизни. И нынче невольно обернешься, услышав скрип подшипника — почувдится вдруг: на деревянной тележке катится безногий инвалид... Но еще помнится: к тележке приторочен мешок с хитрым инструментом. «Холодный сапожник» — сколько их было на дорогах России! Люди, изувеченные войной, жизнью, хотели остаться и оставались людьми. Совестливыми, работающими. Страна вставала из разлуки. Экономических прорех, дыр было не счесть. И многое в ту пору легло на плечи инвалидов.

Во Всероссийском ордена Трудового Красного Знамени Обществе слепых, созданном в 1925 году, сегодня 110 объединений и предприятий, вырабатывающих продукции без малого на один миллиард рублей в год. Их вклад в народное хозяйство, в перестройку существен и весом.

Да, трудовой коллектив «Электрона» в общем-то такой же, как и на обычных предприятиях. Здесь действуют те же производственно-экономические законы, те же неписанные людские отношения. И все же тут особый микромир.

Долгое время, чего таить, мы вроде бы не замечали таких вот рабочих коллективов. Мол, есть у них своя организация, которая решает специфические проблемы специфическими методами. Знали, что работа слепых, продукция, которую выпускают, как правило, по шкале производственных коопераций ценится очень высоко. Тот же «Электрон» практически не получает рекламаций смежников. Психологи и специалисты по организации труда утверждают: именно слепым присуща особенная тщательность, высокий профессионализм в мелкой, «дробной» технологии и сборке.

Но «Электрон» отличает еще вот что. Как мы говорили, здесь почти половина работающих — зрячие. Об антагонизме, неприязни и речи не может быть: живут, работают вместе. Напротив, нас иное кольнуло — здоровые, со стопроцентным зрением ребята порой как бы вовсе не ощущают, что рядом с ними, бок о бок, люди увечные. Исчезает в общении сердоболитие, души теряют зоркость. Ведь видели, не могли не видеть — в прямом и переносном смысле — что происходило в тот день с Василием.

— Жив был бы Вася, — никакого сырбора... Подумаешь, уволили, так и приняли через месяц. У нас тут всегда так... Разве из-за квартиры вешаются? — мнение многих.

Черствость, нравственная слепота? Нет, страшнее — обыденность.

Макеев жил в одной комнате с Федоренко.

— Вдыхал все, — вспоминает Сергей Антонович, — воду пил. Да, вот еще: к Пантюхову за папиросой пошел, хотя некурящий...

Комната общежития. Та самая. Восемнадцать квадратных метров, три кровати, шкаф, круглый раздвижной стол. От Василия здесь уже ничего не осталось — ни магнитофона с колонками, ни комплекта специального журнала «Наша жизнь»...

— Он душевный был, — продолжает Макеев. — Если что сделать надо — первый вызовется. И работал аккуратно, в охотку. Я с ним прежде в одной бригаде работал, а после, когда Васю обратно взяли, его почему-то в другую определили. А там все новое — и люди, и работа. Конечно, глупо думать, что это его подтолкнуло. Но, знаете как бывает: одно на другое...

Узелок за узелком — перепуталась нить, тут уже единым махом рвать решил Василий.

Мы спросили у секретаря комсомольской организации Сергея Сереченко:

— Ну, а знали бы, что на душе у Василия Федоренко, на краю чего стоит он, сумели бы помочь?

Ответил сразу, не раздумывая:

— Вопросов нет. С ним, с Наташей бы поговорили, подключили бы родителей — в общем, окружили бы заботой и вниманием. Квартира? Тут с ним не

по-человечески поступили, не по справедливости. А в комитет он за помощью не пришел.

— А если бы пришел?

— Сделали бы! Хотя...

Многое за этим «хотя». С трибун, с газетных и журнальных полос говорим о самостоятельности первичек. О том, что давно пора комсомольцам решительнее входить в общественную, социальную жизнь предприятий, страны. Но редко еще слова эти обрастают делом. И не вина комсомолки «Электрона», а, скорее, беда, что ребята с грузом своим душевным не идут за помощью в комитет ВЛКСМ. И впрямь, смог бы как-то Сергей, члены комитета реально повлиять на распределение квартир, прислушались бы администрация и профком к голосу молодежи? Во всяком случае, когда отказывали Федоренко, мнением комсомольцев не интересовались. Может, забыли в спешке? Но и сам Сергей не припомнит, когда решение комитета ВЛКСМ стало бы определяющим в рабочих, житейских делах предприятия.

Сегодня дирекция и общественные организации «Электрона» единодушны: мы были не правы. Четыре месяца потребовалось для того, чтобы понять это. Но неужто, отбирая у Федоренко квартиру, не понимали, не ведали, что незаконно это, да и по-человечески несправедливо?

В областном комитете отраслевого профсоюза, узнав о случившемся, развели руками: как же так, такой крепкий, грамотный профком и...

— Дикий случай. Ведь все можно было уладить на предприятии, не доводить до «точки кипения». Интуитивно чувствую, намеренно тянули время: когда окончательно распределили квартиры, выдали ордера, можно и с Федоренко разобраться.

Что ж, прислушаемся к мнению председателя обкома профсоюза Михаила Андреевича Данилина. Тем более, что на самом «Электроне» происшедшее так и не получило принципиальной оценки. Секретарь парткома Белихина Светлана Петровна, женщина непосредственная, округлив глаза, сказала: — Я четырнадцать лет квартиру ждала. Жила в том же общежитии. И не возмущалась. А тут, видите ли, все виноваты. Неправильно это, не по-комсомольски.

«Сидели бы тихо, не высывались». Сколько раз в иных местах, по иным поводам слышали мы это. И что удивительно: не то, что поступили незаконно, не сама смерть Федоренко по-настоящему встревожила руководство объединения. Вот когда жалобы пошли, когда Наташа и Тамара Кирилловна обратились в Брянский обком партии, в Москву, тогда забеспокоились, заволновались.

Вполне возможно, что Наташа получила бы квартиру. Через год, другой, третий. Тихо, спокойно, не доводя себя до душевного иступления, когда уже и слез нет. Но только ли в квартире, в отдельных квадратных метрах нуждалась молодая женщина, так трагически, нелепо потерявшая мужа?

Тамара Кирилловна рассказывала: «Для нас был удар, когда Наташа потеряла зрение. Это случилось во время выпускных экзаменов. Врачи говорили: нервы... Куда мы только не обращались, не писали, не ездили! Были в институте Гельмгольца в Одессе, в Филатовском, у Федорова... Никто ничем помочь не смог. Как-то, в минуту особого отчаяния, написали на телевидение Юлии Белянчиковой, что «Здоровье» ведет. Понимали, конечно, чем она-то помочь может? Но хотелось слово поддержки услышать. И слово это нам запомнилось навсегда: «Мужайтесь»...

Они обязаны были запастись мужеством на долгую жизнь. У Василия запас этого мужества иссяк. Вправе ли мы осуждать его за это?

...Знакомая, слепые протягивают руку с уверенностью, что мы, зрячие, увидим эту раскрытую дружескую ладонь, пожмем ее. Но иногда протянутая рука повисает в воздухе.

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Елабуга: автомобиль для человека или человек для автомобиля?

Демограф Виктор Переведенцев о межнациональных браках.

АЭС на курорте? Мнения писателя и ученых.

Наши публикации: Борис Слуцкий.

Усадьба Остафьево: посторонним вход воспрещен.

Группа «Статус Кво»: рок-н-ролл жив!

Мнения о ценах: письма читателей.

Повесть Буало-Нарсежака «В заколдованном лесу».